

Русская Печать
1879. Авг.

718

КИРГИЗЫ-ДЖАТАКИ.

(Этнографическій очеркъ).

При западно-сибирскихъ городахъ, деревняхъ и казачьихъ станицахъ, съ давнихъ временъ, водворились и живутъ, можно сказать, осѣдло киргизы-джатаки¹⁾, выходцы изъ разныхъ уѣздовъ Акмолинской и Семипалатинской областей. Почти нѣтъ ни одного города или селенія, при которыхъ не было-бы джатаковъ, живущихъ съ видомъ на свободное проживаниеъ, получаемымъ ими отъ своихъ киргизскихъ начальниковъ.

Джатаки эти большею частію народъ бѣдный; живутъ они заработками отъ русскихъ, нанимаясь въ пастухи и работники; но есть между ними и зажиточные, занимающіеся торговлею. Перешли они сюда не изъ желанія жить въ средѣ русскихъ, а въ силу разныхъ обстоятельствъ; одни, напр., по случаю джута (гололедицы), которая разомъ отняла все ихъ богатство, состоявшее изъ разнаго скота; другіе — по случаю ссоры съ вліятельными киргизами, притѣсненіе которыхъ становилось чрезмѣрнымъ; третьи — по случаю лишенія своей зимовки и т. д.

Живутъ эти джатаки около самыхъ городовъ и селеній, на отведенныхъ имъ обществомъ земляхъ, зимою въ жилищахъ, устроенныхъ на подобіе киргизскихъ кибитокъ изъ пластовъ дерна или камыша, лѣтомъ — въ своихъ обыкновенныхъ войлочныхъ кибиткахъ.

¹⁾ Джатакъ отъ глагола джаттакъ — лежать, такъ называются въ Сибири, въ Оренбургскомъ и Туркестанскомъ краяхъ киргизы, имѣющіе постоянную стоянку при русскихъ селеніяхъ, иначе говоря, не кочующіе киргизы.

Разъ, или два въ годъ посѣщаютъ джатаковъ волостные управители, аульные старшины и бѣи, въ вѣдѣніи которыхъ они числятся; первые — для выдачи билетовъ на жительство, вторые — за сборомъ податей, а послѣдніе — для рѣшенія между ними дѣлъ. Всѣ они возвращаются въ свои аулы съ набитыми карманами. Этихъ посѣщеній джатаки сильно боятся, потому что прѣзжіе, помимо разныхъ притѣсненій, живутъ на ихъ счетъ и выпрашиваютъ, по свойственной киргизамъ привычкѣ, все, что имъ нравится; вотъ почему джатаки, слышавъ приближеніе такихъ гостей, заранѣе прячутъ свои пожитки и даже мѣняють у сосѣдей, на это время, свою одежду на худшую.

Пребываніе джатаковъ между русскими приноситъ имъ несомнѣнную пользу: во первыхъ, они почти всѣ говорятъ по-русски, нѣкоторые даже превосходно владѣють этимъ языкомъ; во вторыхъ, и по наружному виду замѣтно, что они не такъ строго, какъ степные киргизы, держатся своихъ старыхъ обычаевъ; такъ, напр., одѣваются они, если не совсѣмъ еще по-русски, то и не по-киргизски, потому что мужчины не носятъ на головѣ остроконечныхъ, длинныхъ, съ ушами, тумачковъ (шапокъ), а носятъ просто мерлушечьи шапки; вмѣсто обыкновенныхъ длинныхъ киргизскихъ халатовъ носятъ коротенькіе, въ родѣ татарскихъ бишметовъ, т. е. кафтаны съ пуговицами; рубахи носятъ не длинныя, съ полнымъ разрѣзомъ спереди, какъ киргизы, а коротенькія и съ малымъ разрѣзомъ; вмѣсто калта (сумки съ кушакомъ), носятъ просто поясъ. На головѣ, вмѣсто тебетѣекъ (ярмолокъ), носятъ одну шапку, нѣкоторые даже не брѣютъ на головѣ волосъ. Женщины, если еще не всѣ, то многія, бросили головной уборъ — джавлукъ, обвертываемый на головѣ изъ бязи, миткалю, кисеи, и безъ котораго вы не встрѣтите въ киргизской степи ни одну замужнюю женщину; вмѣсто этого джавлука онѣ носятъ шапочки, которыя въ киргизской степи имѣють право носить только однѣ незамужнія дѣвицы. Точно также женщины не носятъ на головѣ саукеле (остроконечный головной уборъ), и джатаки, даже выдавая замужъ дочерей, вовсе не дѣлають этого убора, какъ степные киргизы, у которыхъ онъ составляетъ главное приданое дѣвушекъ. Дома свои джатаки держатъ въ чистотѣ, употребляютъ самоваръ, имѣють столы, стулья, посуду, ложки, вилки, тарелки и т. п.

Замѣчательно еще, что джатаки стараются не выдавать своихъ дочерей замужъ за тѣхъ киргизъ, которые кочуютъ въ

самой степи, а выдаютъ ихъ за своихъ же джатаковъ, живущихъ около русскихъ селеній.

Если же и случается, что они выдаютъ своихъ дочерей за степныхъ киргизъ, которыхъ, подражая русскимъ, джатаки называютъ ордою, то это нужно приписать исключительнымъ обстоятельствамъ, заставившимъ ихъ на это согласиться. А степные киргизы почему-то предпочитаютъ брать въ жены именно дочерей джатаковъ, но своихъ дочерей не выдаютъ за нихъ, боясь, какъ говорятъ нѣкоторые, что онѣ обрусѣютъ. Случается, что степные киргизы, завидѣвъ красавицу-джатачку, по древнему киргизскому обычаю похищаютъ ее, но, при разбирательствѣ дѣлъ у биевъ, отцы не получаютъ всего слѣдующаго имъ калыма, не говоря уже о айбѣ — штрафѣ, который, по обычаю, долженъ платить за оскорбленіе похититель. Степные бии, которые разбираютъ эти дѣла, обыкновенно говорятъ: «Молись Богу, что твою дочь увезли наши, а то она могла выйти за русскаго, съ котораго ты не получилъ-бы и этого ничтожнаго калыма».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Ишимскомъ уѣздѣ, въ одной русской деревнѣ жилъ киргизъ, по имени Такторъ, взрослая дочь котораго была просватана въ дѣтствѣ за сына степняка-киргиза Тіеса. Такторъ хотя получилъ часть калыма за свою дочь и долженъ былъ выполнить свое обѣщаніе, но не обнаруживалъ особаго желанія выдать свою единственную дочь за степнаго киргиза; да и дочь, стройная молодая дѣвушка, очень красивая, выросшая съ малыхъ лѣтъ въ русской деревнѣ, не разъ говорила своимъ роднымъ, что пойдетъ замужъ за любого парня, но только не за степнаго своего жениха.

Однажды, степные киргизы изъ ближайшихъ ауловъ къ аулу Тіеса поѣхали на ярмарку въ г. Ишимскъ и по дорогѣ завернули ночевать въ аулъ Тактора. Послѣдній принялъ ихъ хорошо, но дочь свою, подъ какимъ-то предлогомъ, не показавъ, вѣроятно опасаясь похищенія, такъ какъ степному киргизу похитить дѣвушку, которая ему приглянется, ровно ничего не стоитъ.

Гости такъ и уѣхали на другой день своею дорогою. Это не понравилось одному изъ киргизъ, ночевавшихъ въ аулѣ Тактора; по возвращеніи своемъ въ степь, онъ сказалъ Тіесу, что пора ему взять невѣсту въ домъ и не слушать болѣе отговорокъ Тактора, который, подъ разными предлогами, откладываетъ свадьбу и, какъ замѣтно изъ его разговоровъ, не имѣетъ никакого желанія отдать дочь въ степь. Эти слова подѣйствовали на Тіеса, который, выждавъ перваго саннаго

пути, чтобы удобнѣе было тайно увести невѣсту, которая, можетъ быть, не умѣетъ ѣздить верхомъ, снарядилъ конную экспедицію изъ молодыхъ людей, назначивъ одного утаюсаемъ (старшимъ), съ приказаніемъ во чтобы то ни стало похитить и привезти въ аулъ его просватанную невѣсту. Въ это время мнѣ случилось быть въ киргизской степи, и я ночевалъ проѣздомъ въ одномъ аулѣ. Аулъ спалъ сладкимъ сномъ. Вдругъ, весь аулъ разомъ поднялся на ноги; шумъ и крикъ взрослыхъ, плачь дѣтей, ржаніе лошадей, а пуще всего лай собакъ — охватили весь аулъ. Я выбѣжалъ изъ кибитки, но разобрать въ чемъ дѣло, не было возможности. Посреди аула стояли небольшія сани, запряженные парой взмыленныхъ коней, ихъ окружали въ безпорядкѣ человекъ 12 конныхъ киргизъ съ длинными палками въ рукахъ, около которыхъ толпились аульные киргизы, накинувъ на себя что попало: халаты, одѣяла, войлоки, одни въ сапогахъ, другіе босые, и всѣ о чемъ то съ жаромъ толковали. Женщины аула стояли кучками у саней, а двѣ или три забрались даже въ самыя сани. Голыя дѣти, выбѣжавъ изъ кибитки, бѣгали тутъ-же и звали, что есть мочи, своихъ матерей. Чрезъ нѣсколько минутъ дѣло разъяснилось: сани привезли въ аулъ похищенную дочь Тактора. Учинившая похищеніе кавалькада просила аульныхъ жителей спрятать похищенную ими дѣвушку и дать мѣсто куда скрыться имъ самимъ, поясняя, что за ними слѣдуетъ погоня родныхъ невѣсты съ русскими мужиками. Жители аула перепугались. Пуще всего ихъ встревожила погоня русскихъ и они стали всячески выпроваживать названныхъ гостей. «Поѣзжайте, говорили они, въ аулъ киргиза Байбатыра, онъ отъ насъ близко, такъ близко, что слышно, когда тамъ лаютъ собаки (хотя на самомъ дѣлѣ оказалось, что аулъ былъ въ 25 верстахъ)». Приэтомъ они ручались за Байбатыра, что онъ защититъ ихъ и не дастъ въ обиду. «У Байбатыра, говорили они, — цѣлая кибитка ружей, а у насъ въ аулѣ нѣтъ ни одного ружья» и т. д. Въ это время собаки, лаявшія все время на конныхъ, бросились бѣжать за аулъ въ степь и подняли тамъ лай пуще прежняго. Это до такой степени перепугало ночныхъ гостей, которые думали, что погоня уже у самаго аула, что они поспѣшили убраться. Ихъ сани тронулись съ мѣста такъ неожиданно, что они было увезли изъ аула одну женщину, которая забралась въ сани и слушала въ нихъ жалостныя слова несчастной дѣвушки-джатачки на свою судьбу. Женщину эту однако выбросили изъ саней по выѣздѣ изъ аула.

Тревога, впрочемъ, оказалась ложною. Въ аулъ никто не прїѣзжалъ, ни русскіе, ни киргизы, и погони за ними не было. На другой день, хотя дорога моя была въ другую сторону, но я рѣшился ѣхать въ аулъ Байбатыра, который славился во всей окрестности, какъ самый отчаянный разбойникъ и грабитель. Двухъ-этажный деревянный домъ Байбатыра былъ выстроенъ ему, въ видѣ благодарности, бѣглыми татарами, находившими всегда прїютъ въ его аулѣ. Меня пригласили на верхъ и тамъ, на вопросъ мой о джатачкѣ, одна женская прислуга сообщила тихимолкомъ, что она лежитъ въ нижнемъ этажѣ, связанная по рукамъ и ногамъ толстыми веревками, и кромѣ того прикована къ кровати старшаго сына хозяина, за котораго рѣшилъ выдать ее самъ Байбатыръ, а люди, похитившіе ее, отправлены съ приказаніемъ не показываться болѣе въ этомъ аулѣ. «Байбатыръ объявилъ джатачкѣ, прибавила рассказчица, что она будетъ такъ лежать до тѣхъ поръ, пока не согласится выйти замужъ за его сына, а она, упрямая, цѣлый день плачетъ и не соглашается быть женою сына Байбатыра; плохо ей будетъ самой», со вздохомъ прибавила прислуга.

Я спустился внизъ, джатачка сидѣла дѣйствительно у кровати, вся покрытая халатомъ, горько плакала о своей участи, и никого не подпускала къ себѣ, считая всѣхъ, кромѣ женщинъ, своими врагами

Спустя годъ послѣ этого, прїѣхалъ я въ тотъ же аулъ, гдѣ, кромѣ какихъ-то старухъ и малыхъ дѣтей, никого не было; мнѣ нужно было взять для подводы лошадей; одна изъ старухъ сказала, чтобы я ѣхалъ на сѣнокосъ и взялъ тамъ лошадей, говоря, что всѣ мужчины и женщины на работѣ. Я поѣхалъ. Подѣхавъ близко, я, къ удивленію моему, въ первый разъ увидѣлъ въ степи женщину, которая стояла на правильно сложенномъ стогѣ и принимала вилами сѣно отъ тѣхъ, которые ей подавали. Тутъ, на вопросъ мой, мнѣ сообщили, что это та самая дѣвица-блондинка, которая была взята изъ русской деревни. Дѣйствительно, аулъ, который никогда не запасался на зиму сѣномъ, благодаря ей, научился не только косить сѣно, но и спасать его отъ дождей, складывая правильно въ стога.

Сосѣдствомъ джатаковъ жители селеній весьма довольны, потому что они народъ трудолюбивый, честный, а главное трезвый и готовый на всякія работы: пахоту, косьбу сѣна, рубку лѣса и т. д. Русскіе крестьяне, разкусивъ простодушіе джатаковъ, пользуются ихъ трудами почти даромъ, взимая съ нихъ

плату за позволеніе жать при своемъ селеніи. Короче сказать, для русскаго крестьянина и казака джатакъ составляетъ все: онъ ломовая сила, работникъ, пастухъ, сыщикъ, адвокатъ и переводчикъ. Киргизы-джатаки, какъ-бы имъ ни была тяжела чужая работа, исполняютъ ее добросовѣстно, если и не всегда по охотѣ, то, по крайней мѣрѣ, изъ боязни быть прогнанными обратно въ степь. Очень часто, русскіе крестьяне, давая порученія джатакамъ, грозятъ имъ, что отправятъ ихъ въ степь въ зимнее время, что для послѣднихъ, конечно, большая бѣда. Кромѣ того, жители селеній и станицъ обязываютъ этихъ джатаковъ судиться по ихъ исковымъ дѣламъ со степными киргизами, напримѣръ, въ случаѣ, если степные киргизы угонятъ лошадей у русскаго крестьянина, что бываетъ довольно часто, особенно осенью, въ то время, когда киргизы начинаютъ готовить сугумъ. Киргизы готовятъ сугумъ или, другими словами, рѣжутъ скотъ, на цѣлую зиму осенью и въ большомъ количествѣ, преимущественно лошадей и барановъ, для пропитанія семейства и угощенія гостей, для которыхъ, въ зимнее время, уже не рѣжутъ барановъ, какъ это дѣлаютъ лѣтомъ. Степные киргизы предпочитаютъ для сугума лошадей, которыя кормились овсомъ и хлѣбомъ, и поэтому предпринимаютъ экспедиціи, за нѣсколько сотъ верстъ, для угона ихъ у крестьянъ и казаковъ.

Крестьяне и казаки, у которыхъ угнали лошадей, не зная воровъ, предлагаютъ джатакамъ розыскать и помочь имъ получить удовлетвореніе съ виновныхъ, давая за это самую ничтожную плату и то только тогда, когда сами получаютъ полное удовлетвореніе. Джатаки весьма неохотно принимаютъ такое порученіе, потому что, кромѣ траты времени, они опасаются своихъ родичей, мщеніе которыхъ въ этомъ случаѣ можетъ быть для нихъ ощутительнѣе неудовольствія русскихъ. Большею частію русскіе крестьяне или казаки для того, чтобы сразу заставить джатаковъ взяться за такое дѣло, просто на-просто объявляютъ, что въ угонѣ лошадей они подозрѣваютъ ихъ самихъ, не принимая приэтомъ во вниманіе никакихъ оправдательныхъ отзывовъ бѣднаго джатака. «Вы, орда, передали нашихъ лошадей своимъ братьямъ въ степь, а теперь боитесь съ ними вязаться», обыкновенно говорятъ русскіе крестьяне. Тогда джатаки сходятся на сходку и выбираютъ изъ своей среды одного для посланки въ степь на розыскъ. Приэтомъ выбираютъ малаго побойчѣ, который могъ-бы защищать это дѣло, если оно поступитъ на разбирательство киргизскихъ біевъ. Боже сохрани вернуться джатаку изъ степи безъ удовле-

нія, тогда русскіе обвиняють его въ томъ, что онъ взялъ все въ свою пользу и начнутъ всячески притѣснять бѣднягу.

Бывали примѣры, что джатаки, ѣздившіе по дѣламъ русскихъ въ степь, привозили отъ киргизскихъ начальниковъ бумагу, въ томъ, что джатаку, при разбирательствѣ такого-то дѣла, отказано по рѣшенію бія; но это было совершенно напрасно: русскіе крестьяне говорили: «орда-де орду защищаетъ, всѣ-де они бусурманы» и т. д. Жутко приходится, такимъ образомъ, джатакамъ: угнетаютъ ихъ и свои родичи, и русскіе крестьяне съ казаками. Первые за то, что они живутъ вмѣстѣ съ русскими и помогаютъ имъ выслѣживать киргизъ-копекрадовъ, а послѣдніе за то, что они «орда», т. е. одного рода и племени со степными киргизами. Бываетъ и такъ, что затѣетъ джатакъ въ степи изъ-за русскаго дѣла съ киргизами, а это немедленно же отзовется на немъ же и притомъ весьма дурно. Напримѣръ, положимъ, что джатакъ нашелъ лошадей русскаго у киргиза, съ которымъ и сѣлъ передъ бѣгомъ судиться. Бій, само собою разумѣется, склоняется на сторону своего киргиза и джатакъ проигрываетъ дѣло. Если найденный имъ воръ одного съ нимъ уѣзда или имѣетъ въ народѣ вѣсъ, то нерѣдко, по ходатайству этого вора, идетъ по начальству бумага отъ киргизскаго начальника, въ вѣдѣніи котораго считается джатакъ, о высылкѣ послѣдняго изъ деревни въ степь, для водворенія его вмѣстѣ съ его родичами. Приэтомъ, обыкновенно, прибавляютъ, что онъ не платитъ нѣсколько лѣтъ податей въ казну, задолжалъ многимъ лицамъ, и не желая платить ни казенныхъ, ни частныхъ долговъ, переселился въ русскую деревню (указываютъ и мѣсто его жительства), гдѣ нашелъ себѣ пріютъ; или просто перестаютъ выдавать ему билетъ на свободное проживание. Первое время джатакъ покупаетъ билетъ за большія деньги и на короткіе сроки, а затѣмъ, если врагъ неумолимъ, то, въ концѣ концовъ, онъ долженъ переселиться въ степь. Такимъ образомъ джатаки, отвыкшіе отъ бродячей жизни, выросшіе и воспитавшіеся въ кругу русскихъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ возвращаются въ степь — на родину и терпятъ тамъ всякія притѣсненія и насмѣшки; не имѣя ни зимовки, ни лѣтовки, которыя, во время отсутствія ихъ, поступили во владѣніе другихъ, — они поселяются на земляхъ богатыхъ киргизъ и остаются у нихъ въ услуженіи.

Печальное положеніе джатаковъ всего лучше разяснить слѣдующій примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ іюль или августъ мѣсяцѣ, ночью, неизвѣстные воры угнали у русскихъ

крестьянъ 30 лошадей, когда тѣ паслись въ полѣ, а крестьяне были на полевыхъ работахъ. Рано утромъ поднялась тревога, кинулись розыскивать воровъ въ разныя стороны. Однако всѣ поиски были напрасны. Какъ ни старались, а розыскать лошадей не могли и даже не узнали направленія, по которому ихъ угнали.

Вернувшись въ свою деревню, крестьяне призвали джатаковъ и стали спрашивать о ворахъ. Тѣ отвѣчали: «не видали, не слышали» (обычное выраженіе). Крестьяне послѣ того еще нѣсколько дней продолжали розыски, метались изъ стороны въ сторону, наконецъ, измучились и пришли къ тому заключенію, что лошадей имъ самимъ не найти. Тогда они стали просить своихъ джатаковъ розыскать лошадей, обѣщая подарить имъ за это одну изъ самыхъ жирныхъ. Джатаки, не смотря на соблазнъ жирной конины, положительно отказались отъ такого хлопотливаго и рискованнаго дѣла. «Бывали, сказали джатаки, такіе случаи, что русскіе сначала просятъ, умоляютъ и обѣщаютъ иногда даже большія деньги, чтобы сыскать ихъ лошадей, а потомъ потребуютъ розыскать непременно и самихъ воровъ, зачѣмъ-де взялся розыскивать, коли не зналъ воровъ» и т. п. Послѣ отказа джатаковъ, крестьяне стали дѣлать имъ разныя придирки и, между прочимъ, узнали, что за день до угона ихъ лошадей, одного изъ джатаковъ не было дома: онъ, по своимъ собственнымъ дѣламъ, былъ въ сосѣдней деревнѣ, у тамошнихъ джатаковъ. Крестьяне, обрадовавшись этому случаю, сначала объявили джатакамъ, что если они не возьмутся розыскивать воровъ, то они, крестьяне, прямо заявятъ подозрѣніе въ угонѣ лошадей на того изъ нихъ, который былъ въ отлучкѣ наканунѣ пропажи лошадей; когда же и это не подѣйствовало, то крестьяне собрались и объявили джатакамъ, что въ угонѣ лошадей всѣ они подозрѣваютъ одного изъ нихъ, именно джатака Джайнака. Объ этомъ немедленно было отправлено, куда слѣдуетъ, прошеніе на Джайнака, причемъ Джайнака, разумѣется, постарались всячески очернить и представить начальству съ самой дурной стороны. Кромѣ того, крестьяне, которые нѣсколько лѣтъ были весьма довольны сосѣдствомъ джатаковъ, начали сильно возставать противъ нихъ и стали готовить другую бумагу о выселеніи всѣхъ этихъ джатаковъ въ степь. Перепуганный Джайнакъ слеталъ въ ту деревню, куда ѣздили передъ кражей, и привезъ отъ тамошнихъ мѣстныхъ властей бумагу, что онъ дѣйствительно такого-то числа былъ въ ихъ деревнѣ и ночевалъ въ домѣ одного тамошняго крестьянина, что на бумагѣ подтверж-

дали и тамошніе джатаки. На это крестьяне отвѣчали: «ты могъ передать нашихъ лошадей своей степной братіи, а потомъ, чтобы отвести глаза, взялъ да и поѣхалъ ночевать въ домъ нашего русскаго, а въ другое время, небось, голова бы разболѣлась отъ русской избы». Наконецъ, джатаки, поставленные въ безвыходное положеніе, собрались на совѣтъ и рѣшились сказать крестьянамъ, что согласны ѣхать искать пропавшихъ лошадей. Прежде чѣмъ отправиться въ эту трудную экспедицію, джатаки подробно разспросили примѣты каждой пропавшей лошади и зная, что безъ денегъ немыслимо ѣхать въ степь для розыска, взяли заимообразно денегъ у одного богатаго крестьянина; затѣмъ двое изъ джатаковъ, выбранные остальными какъ самые толковые и бойкіе, отправились въ степь искать неизвѣстныхъ имъ воровъ.

Такимъ образомъ джатаки-сыщики прибыли въ г. Петропавловскъ и тамъ, на базарѣ, разспрашивая киргизъ и описывая примѣты пропавшихъ лошадей, узнали отъ одного киргиза, что нѣсколько дней тому назадъ, неизвѣстный киргизъ былъ на базарѣ на лошади съ маленькимъ хвостомъ (хвосты у лошадей бываютъ короткіе только у русскихъ крестьянъ, оттого, что они держатъ лошадей въ загонѣ вмѣстѣ съ коровами и телятами, а послѣдніе отжевываютъ конскіе хвосты). По описанію примѣтъ эта лошадь была похожа на одну изъ украденныхъ у крестьянъ. Сыщики повертѣлись нѣсколько дней на базарѣ и потомъ поѣхали за городъ къ тамошнимъ джатакамъ, разспрашивая которыхъ, узнали, что какой-то киргизъ изъ рода атагай былъ нѣсколько дней назадъ въ ихъ аулѣ, пилъ у нихъ айрокъ (простоквашу) и поѣхалъ въ городъ Кызылъ-джаръ (такъ называется г. Петропавловскъ); лошадь же, на которой онъ былъ, дѣйствительно по примѣтамъ походила на одну изъ розыскиваемыхъ ими. Какъ тутъ быть? Киргизовъ изъ рода атагай много, они не только кочуютъ въ разныхъ волостяхъ одного уѣзда, но есть киргизы этого рода даже въ нѣсколькихъ уѣздахъ, какъ напр., въ Петропавловскомъ, Кокчетавскомъ, Акмолинскомъ, Каркаралинскомъ и другихъ. Отправились сыщики въ степь, въ ближайшій аулъ атагаевцевъ. Дорогою они cadaго, такъ сказать, встрѣчнаго и поперечнаго разспрашивали о пропавшихъ лошадяхъ, обѣщая по обыкновенію хорошій «сунчи» (радостный подарокъ) тому, кто первый откроетъ воровъ. На одномъ ночлегѣ, проѣзжій киргизъ, ночевавшій вмѣстѣ съ ними въ аулѣ, сообщилъ имъ, со словъ другаго киргиза, встрѣтившагося съ нимъ на Сауманъ-Кулѣ (урочище), что два кир-

гиза, изъ рода Караулъ, ѣхавшіе изъ Кызылъ-джара, останавливались въ одномъ аулѣ и тамъ кормили своихъ лошадей мукой. На предложеніе аульныхъ киргизъ отпустить лошадей въ табунъ, они не согласились, поэтому рассказчикъ полагалъ, что лошади были не киргизскія, а русскія. Это заставило сыщиковъ измѣнить планъ дѣйствій: они поѣхали прямо въ аулъ волостнаго управителя, въ волости котораго кочуютъ караульцы и атагаевцы. Прибывъ туда, они переговорили съ волостнымъ управителемъ, условились съ нимъ на счетъ подарковъ въ случаѣ отысканія воровъ, а затѣмъ отправились по ауламъ караульцевъ и атагаевцевъ. Тамъ они узнали, что въ табунѣ одного богатаго киргиза ходитъ лошадь, которая пасется совершенно отдѣльно отъ прочихъ, не приставая ни къ одному изъ косяковъ. Примѣты этой лошади не подходили къ розыскиваемымъ, хотя, очевидно, что лошадь эта была краденая и русская. Принявъ это къ свѣдѣнію, наши джатаки поѣхали однако далѣе.

Долго и много уѣздили они по разнымъ ауламъ, наконецъ, порѣшили отправиться въ аулъ киргизъ, изъ рода Багышъ, которые въ то время находились во враждѣ съ караульцами, по случаю увоза послѣдними одной дѣвушки, просватанной въ другой родъ. По дорогѣ, имъ сказали, что почетные бии, съ той и другой стороны, должны были для рѣшенія этого дѣла съѣхаться въ одинъ аулъ, куда и они завернули, оставшись тамъ ожидать съѣзда гостей и биевъ съ разныхъ концовъ степи. Въ аулъ съѣхалось очень много народа, потому что хотя съѣздъ былъ назначенъ по дѣлу объ увозѣ дѣвушки, но пріѣздъ уважаемыхъ въ народѣ биевъ привлекъ многихъ киргизъ, томившихся ожиданіемъ справедливаго рѣшенія своихъ дѣлъ. Наши сыщики, выдавая себя за самыхъ лучшихъ знатоковъ русскихъ законовъ, своими совѣтами склонили на свою сторону противниковъ атагаевцевъ и караульцевъ. Они совѣтовали багышевскимъ киргизамъ, если бии рѣшатъ дѣла не въ ихъ пользу, подать прошеніе не прямо корпусному (генераль-губернатору) и не губернатору, а сначала маленькому начальнику, а если онъ ничего не сдѣлаетъ, то тогда уже губернатору и на послѣдокъ только самому корпусному. За такія услуги, они просили помочь имъ отыскать воровъ, обѣщая за это сверхъ того хорошее вознагражденіе. Къ счастью нашихъ джатаковъ, въ искѣ багышевцамъ бии отказали. Тогда одинъ изъ багышевцевъ, въ видѣ отместки караульцамъ, разумѣется, подъ условіемъ вознагражденія, взялся розыскать украденныхъ лошадей. Для этого онъ отправился съ джатаками въ аулъ почетнаго и богатаго

киргиза, изъ рода караульцевъ, по имени Кудайменды, въ табунѣ котораго прямо указалъ на одну лошадь, которая дѣйствительно была изъ числа украденныхъ. Взявъ лошадь, сыщики, вмѣстѣ съ доказчикомъ, явились въ аулъ волостнаго управителя, съ которымъ, какъ сказано выше, условились о подаркахъ, и требовали удовлетворенія за остальныхъ лошадей съ киргиза Кудайменды. Волостной управитель не рискнулъ однако потребовать къ себѣ такого богатаго киргиза, какъ Кудайменды, а послалъ къ нему своего джигита, употребивъ при этомъ маленькую хитрость, а именно сообщилъ ему въ дружескомъ тонѣ, что-де сыщики - джатаки готовятся подать на него прошеніе прямо самому корпусному, о чемъ онъ, управитель, изъ любви и пріязни, считаетъ долгомъ его предупредить. Кудайменды прислалъ сказать, что у него въ табунѣ никогда не было такой лошади, а она, вѣроятно, какъ онъ думаетъ, была брошена ворами, проѣзжавшими мимо его табуна. Сыщики между тѣмъ разузнали, что въ это время никто близъ аула не проѣзжалъ. Попытка сыщиковъ и волостнаго управителя, которые пришли теперь окончательно къ убѣжденію, что въ кражѣ участвовалъ Кудайменды съ родичами, — привлечь подаркомъ на свою сторону свата Кудайменды киргиза Сабанокъ, къ которому въ аулъ они ѣздили за 300 слишкомъ верстъ, не удалась; этотъ послѣдній отвергнулъ всѣ ихъ предложенія. Положеніе нашихъ сыщиковъ казалось безнадежнымъ и они уже хотѣли ѣхать обратно въ аулъ волостнаго, какъ вдругъ доказчику-киргизу пришла въ голову счастливая мысль: «приходитъ зима, сказалъ онъ, и всѣ въ степи киргизы порѣзали на зиму скотъ, поэтому слѣдуетъ ѣхать къ торговцамъ - татарамъ, закупающимъ у киргизъ шкуры». Поѣхали. Черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно нашли у одного татарина пять шкуръ съ украденныхъ лошадей. Татаринъ указалъ, что онѣ куплены имъ у киргиза Сабанокъ, который, какъ сказано, приходился сватомъ киргизу Кудайменды. Сыщики немедленно поѣхали въ аулъ волостнаго управителя, въ вѣдѣніи котораго состоялъ Сабанокъ, но послѣдній, какъ на грѣхъ, приходился родственникомъ волостному управителю. Какъ тутъ быть? Тратить времени больше было невозможно; жаловаться русской власти — бесполезно, «потому что русская власть, говорили они, пришлетъ только бумагу волостному, который такъ хорошо сумѣетъ отвѣтить на нее, что не только опровергнетъ наше подозрѣніе на этого киргиза и нашу находку, но даже, въ своей бумагѣ, объяснитъ, что въ его-де волости вовсе нѣтъ татаръ, занимающихся покупкою шкуръ».

Долго совѣтовались сыщики съ доказчикомъ-киргизомъ, наконецъ, пришли къ тому заключенію, что жаловаться русскимъ нельзя, а жаловаться на этого киргиза его родственнику, волостному—тоже бесполезно. По близости жилъ одинъ богатый киргизъ,—хотѣли было жаловаться ему, но и это оказалось неудобнымъ, на томъ основаніи, что у послѣдняго были какіе-то расчеты съ волостнымъ управителемъ. Оставалось жаловаться султану, но для этого нужны были большія деньги.

Наконецъ, они всетаки предпочли жаловаться султану, и поѣхали къ нему на совѣтъ, чтобы условиться на счетъ подарковъ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, волостной управитель, киргизъ Кудайменды съ родственникомъ его, Сабанокъ, продавшимъ шкуры татарину, а также джатаки со своимъ доказчикомъ, явились передъ султаномъ, который, для поддержанія своего достоинства, для рѣшенія этого дѣла, сѣлъ, окруженный киргизами, имѣющими въ народѣ особый вѣсъ. Султанъ, послѣ долгаго разспроса о подробностяхъ этого дѣла, видя, что никто не считаетъ себя виновнымъ, такъ какъ Кудайменды подтверждалъ первое свое показаніе; Сабанокъ упорно стоялъ на томъ, что шкуръ татарину онъ не продавалъ; а татаринъ, сначала говорившій одно, сталъ колебаться и ссылаться на запятованіе обстоятельствъ покупки шкуръ,—постановилъ рѣшеніе, которое заранѣе было извѣстно нашимъ джатакамъ, а именно: предоставилъ джатакамъ выбрать на присягу двухъ киргизъ изъ рода караульцевъ, для очищенія, подозрѣваемыхъ въ кражѣ лошадей, лицъ. Султанъ назначилъ для присяги недѣльный срокъ, а мѣстомъ для нея—свой аулъ; приэтомъ онъ прибавилъ, что если враждующія стороны желаютъ покончить дѣло миромъ, то онъ даетъ на это срокъ до слѣдующаго дня, до захода солнца.

Джатаки, зная, что дѣло должно быть выиграно, покончить его миромъ отказались. Они даже не согласились получить половину предъявленнаго ими иска. Когда наступилъ день для выбора лицъ на присягу, джатаки, посовѣтовавшись съ доказчикомъ и съ султаномъ, выбрали на присягу никого другаго, какъ сына Кудайменды, въ табунѣ котораго была найдена одна изъ процавшихъ лошадей, заявляя приэтомъ, что они добровольно отказываются отъ выбора на присягу другаго лица. Послѣ этого, многіе родственники богатаго киргиза, въ томъ числѣ, для виду, и самъ султанъ, просили джатаковъ избрать на присягу другое лицо, но джатаки крѣпко стояли на своемъ выборѣ, зная напередъ, что сынъ Кудайменды на присягу не явится, что дѣй-

ствительно и случилось¹⁾, а это доказало, что дѣло Кудайменды не правое. Наши джатаки восторжествовали, хотя съ такими богатыми киргизами, какъ Кудайменды и Сабанокъ, имъ пришлось и тутъ еще повозиться, потому что они не хотѣли, согласно рѣшенію султана, уплатить джатакамъ стоимость лошадей и половину расходовъ на ихъ отысканіе. «Жалуйтесь корпусному», говорили они. Джатаки пошли писать прошеніе, но наконецъ, благодаря султану, получили-таки полное удовлетвореніе своего иска—и черезъ полгода, торжествуя, вернулись обратно въ свою деревню. Но тутъ, вмѣсто благодарности, ихъ встрѣтили брань, да попреки. Крестьянъ кто-то увѣрилъ, что посланные вернулись изъ степи съ несмѣтными богатствами, что они нажили тамъ большія деньги и обообрали-де не только воровъ, но и самого волостного управителя съ султаномъ, такъ какъ на ихъ прошеніе вышелъ милостивый приказъ отъ губернатора. «Заплатите намъ, говорили крестьяне своимъ сыщикамъ, всѣ наши пропажи и убытки. Орда орду защищаетъ, свой своего не выдастъ», прибавляли крестьяне, и рѣшились опять послать въ степь джатаковъ, давъ имъ въ придачу своихъ ходоковъ, чтобы взять съ орды за покраденыхъ лошадей еще три тысячи рублей. Дѣло, разумѣется, кончилось ничѣмъ, или, точнѣе говоря, крестьяне столько наподавали прошеній губернатору, что имъ, наконецъ, было запрещено вовсе подавать ихъ по этому дѣлу.

Джатаки, сколотивъ деньгу, охотно пускаются въ торговныя дѣла. Для этого они сначала сходятся съ купцами-татарами, нанимаясь у которыхъ, они посѣщаютъ ярмарки, знакомятся съ торговлею и потомъ уже ведутъ торговлю самостоятельно. Такіе джатаки переселяются обыкновенно въ ближайшіе къ степи города, гдѣ есть татары.

Подъ вліяніемъ татаръ-торговцевъ они татарятся въ довольно короткое время, и роднясь охотно съ послѣдними, получаютъ названіе «чала-казакъ», что значитъ—несовершенный киргизъ, полу-киргизъ.

Киргизъ.

¹⁾ Вообще говоря киргизы крайне неохотно даютъ присягу и стараются всячески отъ нея уклониться. Въ степи считается большимъ безчестіемъ, если кто вынужденъ былъ дать на судъ присягу. Киргизъ, желающій сохранить вѣсь и значеніе между своими сородичами, никогда себя до этого не допуститъ. Собственно говоря, у нихъ существеннымъ на судъ обстоятельствомъ считается не самая присяга, а пріѣздъ выбранныхъ для нея лицъ въ назначенное для суда мѣсто, т. е. готовность дать присягу за известное лицо. (См. «Замѣтки о киргизскомъ судѣ» И. И. Ибрагимова, известнаго знатока ихъ быта, въ «Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. VIII. Записки этногр. отдѣленія, въ отдѣлѣ ивородцевъ», стр. 233—257).

Изъ разсмотрѣнія этой таблицы видно, что сравнительно со стоимостью покрытія при желѣзно-листовой крышѣ получатся нижеслѣдующія сбереженія:

1) При покрытіи кровли плоскою черепицею въ два ряда сбереженіе на квадратную саж. помѣщенія выразится цифрою 3 руб. 30 к. только въ томъ случаѣ, если стоимость кв. саж. черепичнаго покрытія не превзойдетъ 3 руб.; если-же допустить, что покрытіе

это обойдется въ 4 р. 50 к. какъ это объявлено г. Ильинымъ, то сбереженія на одну квадр. саж. помѣщенія получатся только 78 коп.; при подобныхъ условіяхъ, конечно, нужно отдать предпочтеніе желѣзной крышѣ.

2) При покрытіи кровли шпунтовой черепицею, получится сбереженія по 6 р. 30 к. на квадр. саж. помѣщенія.

3) При покрытіи желобчатой черепицею и при наклонномъ, подштукатуренномъ потолкѣ, сбереженіе достигнетъ 14 р. 35 коп. а при потолкѣ горизонтальномъ, подшитомъ къ особымъ полубалкамъ, оно можетъ быть около 11 руб.

Послѣдніе цифры ясно указываютъ на полную практичность примѣненія желобчатой черепицы; нужно только пожелать, чтобы водвореніе этого производства и первые опыты по устройству покрытій начаты были умѣлыми руками.

А. Матаѣвъ.

Конокрадство въ средѣ киргизъ.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что киргизамъ, даже въ ихъ первобытномъ, кочевомъ быту, незнакомо право собственности. По увѣренію г. Ибрагимова, у киргизъ существуетъ даже поговорка, извѣстная и въ русскомъ народѣ: „съ чужаго коня—среди грязи долой“. (*) Тѣмъ не менѣе у киргизъ чаще всего встрѣчается воровство и даже насильственный угонъ лошадей цѣлымъ табуномъ (баранта). Кража лошадей киргизами случается одинаково часто, какъ въ степи, такъ и въ районѣ осѣдлыхъ поселеній, гдѣ кочевникъ-киргизъ является уже почти чуждымъ пришельцемъ.

Для незнакомаго близко съ бытомъ киргизъ, отношенія киргиза къ чужой лошади представляются часто весьма загадочными и даже аномальными.

Относительно кражи вообще, у киргизъ сложился весьма опредѣленный и ясный взглядъ. Киргизская народная поговорка гласитъ: „*Кабудалыны капмаса каруынта кайгуруурь*“ (кто не захватитъ то, что лѣзетъ въ руку, будетъ до старости жалѣть). Этотъ принципъ, переходя изъ рода въ родъ, прочно установился между киргизами и онъ выполняется ими, какъ вѣковой обычай. Но хотя для всякаго номада лошадь есть самый неоцѣненный другъ и товарищъ его кочевой жизни, однако-же киргизъ, отправляясь розыскивать свою пропавшую лошадь, безъ всякаго угрызенія совѣсти воруетъ, въ свою очередь, первую попавшуюся ему подъ руку лошадь и уводитъ ее къ себѣ, взамѣнъ пропавшей.

Живя долго въ степи, я понялъ тѣ стимулы, которыя руководятъ киргизомъ въ этомъ случаѣ и результатомъ моихъ наблюденій намѣренъ подѣлиться съ читателемъ.

Конокрады-киргизы, составившіе себѣ изъ конокрадства ремесло, встрѣчаются болѣею частію въ уединенныхъ аулахъ и пос-

(*) *Ежегодникъ*, т. III, стр. „Матеріалы для этнофіи Турк. края: Киргизскія пословицы и поговорки“.

только развѣзжаютъ по намѣченнымъ мѣстамъ. Каждому очевидно, что конокрадство лишаетъ людей зажиточныхъ, а еще чаще бѣдныхъ, какъ наиболѣе безотвѣтныхъ, самаго драгоценнаго предмета ихъ жизни. Это зло, распустившее далеко свои корни, тѣмъ болѣе пагубно, что никакой, самый опытный конокрадъ въ Россіи, нескроетъ концы такъ ловко, какъ это дѣлаютъ киргизы.

Конокрадство, какъ наследственная манія въ средѣ киргизъ, переходитъ часто отъ отца къ сыну и нерѣдко дѣти участвуютъ вмѣстѣ съ отцемъ въ конокрадскихъ экспедиціяхъ (*). Такой киргизъ, укравъ лошадь, уже считаетъ ее своей находкой, забывая о томъ, что она принадлежала его родственнику или другу.

Вредъ, наносимый конокрадами-киргизами, отчасти отражается и на русскомъ населеніи, въ особенности при проѣздѣ русскихъ по степи или по почтовому тракту. Проѣзжающіе, напр. переселенцы, благодаря русской, природной безпечности, не очень зорко присматриваютъ за своими лошадьми, при ночлегахъ, въ лѣтнее время, въ степи. Такъ, напримѣръ, мнѣ лично пришлось видѣть, проѣздомъ изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ, что три семейства, ѣхавшія на трехъ телѣгахъ, остались въ степи безъ лошадей, съ дѣтьми, на произволъ судьбы. По всей вѣроятности такіе случаи бывають нерѣдко.

Конокрадствомъ не пренебрегаетъ почти ни одинъ киргизъ, не смотря на свое положеніе и состояніе; никакая цѣнная вещь такъ не привлекаетъ киргиза, какъ хорошая лошадь. По словамъ самихъ-же киргизъ, лошадь есть ничто иное, какъ *те-рекъ-акча* (живые деньги), и она для конокрада представляетъ, при кражѣ ея, болѣе удобное: лошадь не нужно возить или тащить на себѣ; стоитъ только сѣсть на нее и она понесетъ на своемъ хребтѣ вора по желаемому направленію, даже спасетъ самаго же конокрада отъ преслѣдованія и поимки. Въ то же время лавки и лавочки,

(*) По сему поводу справедливо замѣчаетъ киргизская пословица: *Атасынанъ курганъ укъ жунаръ, анасынанъ курганъ тунъ пчаръ* (видившій отъ отца (сынъ) будетъ дѣлать стрѣлы, а отъ матери (дочь) — будетъ кроить одежду, т. е. другими словами: „каковы корни, такіе будутъ и отростки“).

загороженные на скорую руку *буярой* (камышевыя плетенки) или досками и въ которыхъ хранится товаръ на порядочную сумму, не подвергаются кражамъ, такъ какъ киргизы очень мало склонны къ мелкой кражѣ, сопряженной съ большими убытками; по *адату* (обычай), уличенные въ кражѣ платятъ втрое болѣе стоимости украденнаго имущества.

Падежъ скота киргизъ переноситъ хладнокровно, говоря только: *Худайи берденъ* (отдалъ Богу); но при уводѣ хотя-бы плохой лошади, онъ горюетъ, ищетъ ее и проклинаетъ воровъ. Навыкъ къ скотоводству приучилъ каждаго киргиза узнавать по походкѣ и тѣлосложенію даже самаго маленькаго жеребенка, какая впоследствии изъ него выйдетъ лошадь; такой избранный жеребенокъ бережется хозяиномъ пуще глаза, не держится на привязи, т. е. не отнимается отъ молока матери-кобылицы; но очень часто случается, что такой именно жеребенокъ, по достиженіи порядочнаго возраста, и дѣлается жертвою конокрадовъ.

Киргизъ-конокрадовъ можно отнести къ тремъ категоріямъ:

Къ первой принадлежатъ настоящіе конокрады, называемые киргизами *мухъятъ-уру* или *накъ-уру* (воры прилежные, отъявленные или ловкіе), дѣйствующіе самостоятельно или въ сообщничествѣ съ другими, имѣющіе обширный кругъ знакомства на большихъ разстояніяхъ. Къ этой категоріи присоединяются и сарты — *аспетъ-жаляны* (маклера, торгующіе лошадьми), какъ главные сбытчики краденыхъ лошадей.

Ко второй категоріи принадлежатъ киргизы, уже обезпечившіе себя состояніемъ, руководящіе мелкими воронками и, какъ говорится, загребающіе жаръ чужими руками; они только препровождаютъ попавшихъ въ ихъ руки лошадей въ пзвѣстные мѣста, для сбыта. Эти личности, пользуясь своимъ положеніемъ въ киргизскомъ обществѣ, не навлекаютъ на себя никакого подозрѣнія, дѣйствуютъ изподтишка и крайне осторожны.

Къ третьей категоріи принадлежатъ мелкіе конокрады, передающіе свою добычу въ чужія руки, т. е. старшимъ по профессіи

ворамъ; къ этой-же категоріи принадлежатъ и *джылыкчи* (табунщики); случается иногда, что киргизъ неизвѣстнаго рода, нанявшись въ табунщики безъ всякаго письменнаго вида, удостовѣряющаго его личность (что въ киргизскомъ быту и не требуется), первоначально хорошо исполняетъ свою обязанность, а въ концѣ концовъ, выбравъ лучшихъ лошадей, исчезаетъ съ ними куда ему нужно.

Крѣпко держа въ памяти киргизскую поговорку, ободряющую удалцевъ-конокрадовъ: „*Жауданъ-куру кайтканша, жаралы кайт*“ (чѣмъ вернутся съ поля брани съ пустыми руками, лучше вернуться раненымъ), конокрады направляются въ отдаленные аулы, примѣчаютъ тамъ лучшихъ лошадей, стараются достать лошадей извѣстнаго качества, на примѣръ: *джуртакъ* (рысакъ), *джуреке* (скаковая), *джурга* (иноходецъ), или по крайней мѣрѣ—съ красивой, стройной шеей, для того, чтобы имѣть большую выгоду при продажѣ; они тихо подѣзжаютъ къ тому табуну, гдѣ ими сдѣлана рекогносцировка, накидываютъ на замѣченную ими лошадь укрюкъ⁽¹⁾, или-же ловятъ лошадей другими способами. Вообще уводъ лошадей киргизы совершаютъ *караны тюнь* (темною ночью), которая считается самою благопріятною для совершенія задуманнаго воровства.

Для киргиза-конокрада не составляетъ большаго труда украсть лошадь даже спутанную желѣзными путами: онъ, благодаря своей опытности, перебиваетъ желѣзо, для чего имѣется у него подилокъ особаго устройства.

Добывъ лошадей какимъ-бы то ни было способомъ, конокрады пускаются во весь опоръ и въ теченіи одной ночи отдаляются отъ мѣста кражи верстъ на 60 и болѣе, держа путь куда либо въ противоположный пунктъ отъ своего мѣстожительства. На разсвѣтъ они останавливаются на такомъ мѣстѣ, гдѣ какъ говорятъ киргизы, „нѣтъ глазъ“, и преимущественно въ камышахъ, или-же, смотря по мѣстности, въ ущельяхъ горъ, оврагахъ и лощинахъ. Пробывъ на такихъ

мѣстахъ цѣлый день, конокрады, по наступленіи сумерекъ, направляются дальше и въ теченіи двухъ ночей, уходятъ не менѣе 160 верстъ.

Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, если по какимъ либо причинамъ невозможно сбыть украденую лошадь, конокрады чтобы скрыть слѣды преступленія, рѣжутъ ее и угощаютъ своихъ одноаульцевъ, вполне убѣжденные, что послѣдніе всегда скроютъ ихъ, на сколько это возможно.⁽²⁾

Почти никогда не удается захватить воровъ по горячимъ слѣдамъ, съ украденными лошадьми и отобрать украденное. Конокрады-киргизы весьма чутко; прижавъ на землю,

онъ слышитъ топотъ коней на далекомъ разстояніи и вѣрно угадываетъ гонятся за нимъ или нѣтъ; въ первомъ случаѣ онъ перемѣняетъ путь въ другую сторону.

Сбытъ краденыхъ лошадей для конокрадовъ очень легко, конечно, въ отдаленныхъ пунктахъ отъ мѣста увода. Лошади сдаются прямо на руки своимъ-же собратамъ по ремеслу, или продаются лицамъ, совершенно постороннимъ, безъ всякаго документа о принадлежности; но хотя-бы документъ и потребовался, конокрадъ найдетъ какъ извернуться, такъ какъ у него припасены въ карманѣ разныя необходимыя бумаги, благодаря простотѣ формъ составленія ихъ.

Киргизы, у которыхъ украдены лошади, по суевѣрію своему, считаютъ первою своею обязанностью обратиться къ *куинаши* (ворожею) или *жаурунши* (гадальщикъ);⁽³⁾ часто они нѣкоторое время ищутъ пропавшихъ лошадей въ своихъ аулахъ, предполагая, что лошади ихъ присоединились къ другимъ табунамъ, затѣмъ—въ смежныхъ

⁽²⁾ Должно замѣтить, что конокрадъ рѣдко совершаетъ кражу въ своемъ аулѣ и даже волости, а постоянно наравитъ достать себѣ добычу изъ отдаленнаго мѣста.

⁽³⁾ Киргизская ворожба состоитъ въ слѣдующемъ: гадальщикъ смотритъ на кость бараньей лопатки, намазанную саломъ, или-же кладутъ кость на огонь. Киргизы увѣрены, что гадальщикъ чрезъ эту кость видитъ украденные предметы и самихъ воровъ; гадальщики указываютъ дорогу—на какой сторонѣ находится пропавша. Ворожатъ и посредствомъ камешковъ, раскладывая ихъ небольшими группами.

⁽¹⁾ Укрюкъ для ловли лошадей, т. е. длинный шестъ, на концѣ котораго сдѣлана петля изъ веревки.

волостяхъ. Разумѣется, лошадей не находятъ и тогда только потерпѣвшій убѣждается, что его лошади украдены; заявлять-же о пропажѣ лошади, хотя-бы своей туземной власти, у киргизъ не въ обычаѣ.

Бываютъ случаи, что краденныя лошади, переходя отъ одного къ другому, попадаютъ въ ближайшій аулъ или волость и прежній владѣлецъ признаетъ свою собственность по *тамги* (тавро), налагаемой на заднія ляшки лошадей. Тамги эти бываютъ различныхъ формъ и величинъ и бывшій хозяинъ лошади не можетъ узнать свою лошадь, если тамга его передѣлана. Передѣлка тамги для конокрада не составляетъ большого труда: къ извѣстному знаку присоединяется еще какой нибудь другой знакъ и дѣло готово! Въмѣсто тамги, у нѣкоторыхъ родовъ киргизъ существуетъ *танатмакъ* (прорѣзы), дѣлаемые на поздрыхъ и ушахъ лошадей и эти прорѣзы называются иногда киргизами *энъ салды* (сдѣлана мѣтка). Въ такомъ случаѣ, чтобы не были узнаны украденныя лошади, воры присоединяютъ еще прорѣзы или дырочку на ушахъ лошадей.

Здѣсь надо замѣтить, что предъ каждымъ выѣздомъ на незаконный подвигъ, киргизы-конокрады ѣдятъ въ сыромъ или вареномъ видѣ *тарамысъ* (жилы заднихъ голени животныхъ), который хранится у нихъ, какъ святыня. Тарамысъ этотъ, по повѣрью киргизъ, предохраняетъ воровъ отъ нападенія и доставляетъ счастливый успѣхъ и исходъ въ предпринятомъ, незаконномъ дѣлѣ. Если случится какая либо неудача, конокрады относятъ ее тому, что они предъ своимъ отправленіемъ не ѣли тарамысъ и чрезъ это имъ не посчастливилось.

Кстати приведу здѣсь нѣсколько словъ о другомъ характерномъ суевѣріи киргизъ: если случится какая либо кража въ аулѣ, киргизы втыкаютъ въ землю, посреди аула, *баканъ* (длинный шестъ), навязавъ на концѣ его красный или синій платокъ. Видя такой знакъ, киргизы сосѣднихъ ауловъ, пріѣзжаютъ и узнаютъ подробности кражи. По мнѣнію киргизъ, этотъ *баканъ* будто-бы подвергаетъ виновнаго Божьему наказанію,

если онъ не сознается въ своемъ преступленіи и не возвратитъ украденнаго. Но хотя и существуетъ повсемѣстно такое повѣрье, добровольно признающихъ себя виновными никогда не бываетъ и никто изъ учинившихъ кражу не подвергается никакому Божьему наказанію. Самое большое, если дѣло доходить до суда бievъ, которые дерутъ съ воровъ, уличенныхъ въ кражѣ, огромную пошлину: помимо бійлыка, хозяинъ украденной лошади вознаграждается иногда баснословною цѣною, т. е. въ десятеро больше стоимости лошади.

Признанныя лошади возвращаются владѣльцамъ, но во всякомъ случаѣ для этого требуется 3—4 свидѣтеля, удостовѣряющіе, что лошадь дѣйствительно принадлежитъ опознавшему ее. Въ рѣдкихъ случаяхъ киргизъ-конокрадъ отдѣливается отъ совершеннаго имъ проступка только возвратомъ украденной лошади или замѣной ея новой; въ большинствѣ же случаевъ вору приходится очень и очень туго, въ особенности богатому; зная, что онъ въ состояніи платить, бiи, кромѣ неизбѣжнаго бійлыка, (1) опредѣляютъ взысканіе по произволу и иногда воръ разоряется, какъ говорится, въ конецъ. Но это не удерживаетъ иныхъ отъ страсти къ воровству; при первомъ удобномъ случаѣ онъ у того-же бiа, который рѣшалъ его дѣло, украдетъ лошадь и передастъ ее въ другой уѣздъ, гдѣ у него, какъ у вора по профессіи, есть всегда наготовѣ подручные люди. Эти послѣдніе уже стараются схоронить концы, т. е. передавать лошадь изъ рукъ въ руки, подальше отъ мѣста кражи.

Есть аулы, гдѣ конокрадство, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, вошло въ обычай, который едва-ли когда нибудь уничтожится, или, по крайней мѣрѣ уменьшится, такъ какъ виновные, уличенные въ этомъ преступленіи, не подвергаются русскому уголовному суду. На основаніи адата (обычай), виновные, присужденные къ уплатѣ стоимости украденной лошади, могутъ, въ случаѣ своей несостоятельности, оставаться въ покоѣ, за неимѣніемъ средствъ къ платежу; въ этомъ случаѣ за нихъ отвѣчаетъ цѣлый родъ, къ которому воры принадле-

жать.

Очевидно, что конокрадство между киргизами еще долго будет продолжаться, даже при введеніи въ дѣйствіе русскихъ законовъ. Народные обычаи не измѣняются быстро, однимъ почеркомъ пера.

Разъѣзжая по своимъ дѣламъ между киргизами, я хорошо присмотрѣлся, какъ къ самимъ ворами, такъ и къ процедурѣ народнаго суда: первые легко относятся къ своему положенію, надѣясь, что родичи и подручные товарищи ихъ выручатъ; а судъ, колеблясь между строгостью и слабостью, служить какъ-бы лазейкой для воровъ и тѣмъ даетъ имъ поводъ надѣяться на мягкіе приговоры. Эти приговоры состояются экспромптомъ; такъ, напримѣръ, киргизъ, поймавъ вора съ украденною у него лошадью, ведетъ его къ ближайшему бію. Должно замѣтить, что отправляясь на воровство, киргизъ ни за что не возьметъ съ собою денегъ и не надѣнетъ на себя хорошую одежду, а одѣвается почти въ лохмотья. Бій, ⁽¹⁾ приступая къ разбору дѣла, изда-дека ведетъ разговоръ съ воромъ и старается разузнать о матеріальномъ состояніи обвиняемаго. Если бій въ молодости своей самъ разгуливалъ по широкимъ степямъ съ цѣлью конокрадства, то такого бія трудно обмануть: онъ такъ или иначе вывѣдаетъ все, относящееся къ конокраду. Опредѣливъ состояніе и узнавъ родство вора, бій приступаетъ къ допросу обвинителя, свидѣтелей и самого обвиняемаго. Сгруппировавъ эти показанія, разумѣется словесно, опредѣливъ, что обвиняемый есть дѣйствительно воръ и человѣкъ бѣдный или богатый, бій постановляетъ рѣшеніе; оно не хитро: мирза ⁽²⁾ (бій по большей части неграмотные), согнувшись въ три погибели на ко-лѣнѣхъ, пишетъ на маленькомъ лоскутѣ бумаги, не то родъ приговора, не то удостовѣреніе, въ которомъ опредѣляется, что такой-то повиненъ такому то уплатить штрафъ, столько-то тиллей, за покраденную лошадь и украденное возвратить. Если-же, что часто случается, есть только доказательство

воровства, а поличнаго нѣтъ, то дѣло оканчивается присягою родственниковъ, до седьмаго колѣна включительно, по выбору самаго истца. Но родственники эти, зная, что ничего нѣтъ удивительнаго, если какой-нибудь Омаръ или Ахметъ соблазнился чужой лошадью, большею частію не даютъ присяги, а предпочитаютъ отдѣлаться платежемъ опредѣленнаго биемъ возмездія.

П. Александровъ.

⁽¹⁾ Киргизскій народный судья.

⁽²⁾ Писецъ бій.

Охота съ ловчими птицами у киргизъ.

Кромѣ различныхъ празднествъ, развлеченіемъ у киргизъ нашего края бываютъ охоты, изъ которыхъ я постараюсь описать нѣкоторыя, какъ особенно оригинальныя или имѣющія промышленный интересъ. Самая характерная и любимая киргизами охота—съ ястребами и соколами на лебедей, дикихъ гусей, дрофъ, зайцевъ и т. п. Туземцы больше цѣнятъ и чаще пользуются на охотѣ услугами ястреба корчуга (*Astur p lumbarius*) и сокола балопана (*Hennaia sacer* и *Hennaia Kendersoni*). Первый изъ нихъ крупнѣе балопана; перья имѣетъ сѣраго цвѣта съ рыжеватымъ оттѣнкомъ; глаза сѣро-желтоватые, мало выразительные; характеръ этого ястреба болѣе флегматичный; онъ не такъ быстръ въ движеніяхъ, не такъ ловокъ и рѣшителенъ, какъ балопанъ. Балопанъ гораздо меньше ростомъ, стройнѣе и плотнѣе сложенъ; перья у него темныя, а глаза совершенно черныя, бойкіе, выразительные. Онъ положительно сангвиникъ; движенія у него быстры, какъ молнія; при малѣйшемъ голодѣ онъ ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ: постоянно вертится, высматриваетъ всюду добычу, кричитъ и бросается въ разныя стороны. Только и успокаивается, когда ему на надѣваютъ на голову особую кожаную шапочку, которая спускается до самой шеи и не позволяетъ ему ничего видѣть.

Ястреба-корчуга ловятъ обыкновенно сѣтью, натянутою на полукруглый обручъ, укрѣпленный нѣсколько наклонно на подставку. Подъ сѣтью привязываютъ голубя, а ловецъ-киргизъ для себя устраиваетъ маленькій шалашикъ въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ этого снаряда и по цѣлымъ днямъ караулитъ прилетѣть хищника*). Какъ только ястребъ бросится на добычу, дуга съ сѣтью падаетъ и накрываетъ его. Затѣмъ начинается дрессировка, и когда ястребъ дойдетъ до полного повиновенія и по приказанію будетъ бросаться на добычу и возвращаться обратно, хозяинъ отправляется съ нимъ ловить балопана. Нужно замѣтить, что корчуга и балопанъ посто-

*) Для устройства ловушки набираютъ высокія скалистыя мѣста горъ; къ ловлѣ хищниковъ приступаютъ осенью, въ сентябрѣ.

янно враждуютъ между собой. Корчегъ, какъ болѣе сильный, всегда побѣждаетъ балопана, несмотря на всю его ловкость и изворотливость.

Выѣхавъ въ степь и замѣтивъ гдѣ нибудь въ вышинѣ балопана, киргизъ старается направить на него своего корчегъ. Балопанъ, съ высоты увидѣвъ челоуѣка съ ястребомъ на рукѣ, своимъ злѣйшимъ врагомъ, начинаетъ быстро подыматься вверхъ. Въ это время киргизъ бросаетъ корчегъ съ руки и тотъ, поднявшись вверхъ, пускается въ погоню за балопаномъ. Долго балопанъ увертывается отъ своего врага; наконецъ, корчегъ съ трудомъ настигаетъ его, залетаетъ снизу и вдругъ, опрокинувшись наваничъ, хватаетъ балопана когтями. Завязывается бой: они бьютъ другъ друга клювами такъ, что перья летятъ по воздуху, и вмѣстѣ кубаремъ падаютъ на землю. Киргизъ этого и ждетъ—балопанъ въ его рукахъ.

Дрессировка ястребовъ корчегъ, кыргей (*Accipiter nisus*) и сокола балопана производится одинаково. Начинаютъ съ того, что у пойманнаго ястреба закрываютъ глаза, т. е. подтягиваютъ нижнее вѣко кверху конскимъ волосомъ и завязываютъ волосъ на затылкѣ; такъ держатъ его въ кибиткѣ 5 дней, кормятъ мясомъ рѣзаннымъ и намоченнымъ въ водѣ. Затѣмъ двѣ ночи глаза у ястреба держатъ открытыми при свѣтѣ лампы или свѣчи, днемъ же глаза вновь закрываютъ указаннымъ способомъ. Такимъ образомъ, птица постепенно привыкаетъ къ свѣту и, наконецъ, спустя еще двое—трое сутокъ, глаза ей открываются окончательно. Кусками рѣзаннаго мяса хозяинъ приучаетъ птицу къ себѣ и носитъ ее на рукѣ по цѣлымъ днямъ. Что-бы ястребъ не улетѣлъ, ему прикрѣпляютъ къ ногамъ сафьяновые ремешки, къ которымъ привязываютъ небольшой шнурокъ и держатъ этотъ шнурокъ въ рукѣ между пальцами. Къ ногамъ-же ястреба привязываются еще маленькіе бубенчики и ко-

локольчики, которые постояннымъ своимъ звономъ напоминаютъ ему о неволѣ и не даютъ дичать въ то время, когда онъ не въ рукахъ своего хозяина. Вынашиваютъ ястреба недѣли двѣ или три. Въ это время его очень мало кормятъ и, проморивъ голодомъ, заставляютъ прилетать на руку, приманивая кускомъ сырого мяса. Конечно, сначала спускаютъ его на длинномъ шнуркѣ. Приучивъ птицу являться на руку за кормомъ, хозяинъ начинаетъ приманивать ее на гусинья или лебяжьи крылья, проносясь при этомъ повелительныя слова, всегда впрочемъ одни и тѣ-же. Дрессируютъ ястреба также и на утку домашнюю и дикую; хорошо выученный ястребъ, поймавъ птицу, садится на землю, но не рветъ добычи. Съ каждымъ днемъ разстояніе, на которое приманиваютъ ястреба, увеличивается и, когда, наконецъ, онъ вполне начнетъ понимать всѣ повелѣнія хозяина и въ точности исполнять ихъ, дрессировку заканчиваютъ безъ шнурка, предоставивъ ястребу полную свободу.

Ястребъ-корчегъ всегда бьетъ добычу снизу вверхъ, а балопанъ, наоборотъ, сверху внизъ. Охотясь съ корчегъ, киргизъ старается спускать этого ястреба въ то время, когда добыча на самомъ близкомъ разстояніи; иначе корчегъ, по своему флегматическому характеру, нехотя замахнувъ нѣсколько разъ крыльями, оставляетъ добычу и преспокойно спускается на землю. Что бы помочь этому, охотникъ всегда имѣетъ при себѣ на поясѣ небольшой барабанчикъ изъ тонкой жести или латуни, въ который онъ барабанитъ туго-сплетеннымъ ремненнымъ жгутомъ и этимъ шумомъ пугаетъ корчегъ и заставляетъ его подыматься вверхъ и преслѣдовать свою жертву.

Охота съ балопаномъ совсѣмъ другое дѣло: онъ такъ горячъ и ретивъ, что его часто приходится сдерживать, успокаивать; въ понуканіяхъ же онъ никогда не нуждается.

Вотъ нѣсколько человѣкъ киргизъ собрались на охоту за лебедями. Осень. Перелетъ въ полномъ разгарѣ. Едва, едва начинается свѣтать. У киѣнтокъ видны сборы къ охотѣ, слышится торопливый говоръ, ржаніе лошадей, звонъ бубенчиковъ на ногахъ ястребовъ и соколовъ. Охотники сѣлаютъ коней и выѣзжаютъ въ степь. У всѣхъ балопановъ (чункаръ) надѣты на головы шапочки, чтобы они не могли развлекаться; каждый изъ нихъ спокойно сидитъ на правой рукѣ своего хозяина. Совершенно разсвѣтаетъ. Освѣтились пожелтѣвшія поля. Вотъ и камыши видны. Охотники ѣдутъ рысью, торопятся. Начались мочежинники, показались Сыръ-Дарья. Востокъ заблгровѣлъ, зазолотился. Солнышко начинаетъ всходить. Зачиркали, заплѣли разныя мелкія птицы; гусь гдѣ-то въ камышахъ зычно прокричалъ; стая утокъ со свистомъ и шумомъ пронеслась мимо. Охотники переглянулись, начали приготовляться, поправлять путы балопановъ, отвязывать отъ ногъ ихъ шнурки. Вдругъ показались вдали вереница лебедей. Киргизы взяли балопановъ въ руки и направились къ нимъ навстрѣчу. Лебеди уже близко, мирно машутъ крыльями, вытянувъ свои длинныя шеи. Еще минута—шапочка сдернута съ головы перваго ястреба, охотникъ встряхнулъ рукой—ястребъ мгновенно зорко оглянулъ окрестность, увидѣлъ лебедей и началъ рваться съ руки. Охотникъ бросаетъ ястреба. Онъ, какъ стрѣла, ринулся впередъ, взмылъ кверху и въ нѣсколько мгновеній очутился подъ лебедями; они ускоряютъ полетъ. Въ вереницѣ лебедей замѣтно нѣкоторое смятеніе и безпорядокъ; они ускоряютъ полетъ. Балопанъ несется надъ ними, самоуверенно поглядываетъ и, какъ молнія, бросается сверху на самаго задняго лебедя. Онъ вдѣпляется когтями ему въ голову, вырываетъ глаза и бро-

сается за слѣдующимъ. Лебедь, ошеломленный, кубаремъ летитъ съ вышины на землю. Хорошій балопанъ часто такимъ образомъ переловитъ всю вереницу лебедей и угонится за ними на нѣсколько верстъ. Хозяинъ скачетъ верхомъ и постоянно пмѣетъ его въ виду. Наконецъ, послѣдній лебедь пойманъ; балопанъ выклевываетъ или вырываетъ ему глаза, бросаетъ его и самъ спускается за нимъ на землю. Хозяинъ въ это время подоспѣваетъ къ уставшему балопану, беретъ его опять на руку, надѣваетъ на голову шапочку и, если охота окончилась, то тутъ-же кормитъ его немного и отправляется обратно въ кочевье.

Интересно также видѣть, какъ ястребъ-корчегъ нападаетъ на зайца и какъ заяцъ обороняется отъ него. Охотникъ бросаетъ корчегъ изъ руки и онъ почти надъ самою землею летитъ за бѣгущимъ зайцемъ и настигаетъ его. Перепуганный заяцъ останавливается, опрокидывается назвничъ и ногами начинаетъ защищаться отъ своего врага. Ястребъ трясетъ крыльями, держится въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, зорко поглядываетъ на свою

жертву и разомъ бросается на нее. Окрестность оглашается жалобнымъ крикомъ зайца, похожимъ на плачь ребенка. Ястребъ выклевываетъ ему глаза, впивается когтями въ голову и этимъ заканчиваетъ существованіе беззащитнаго звѣрка.

Здѣсь умѣстно назвать тѣхъ ловчихъ птицъ, которыя употребляются для охоты въ краѣ. Изъ нихъ, называемый по туземному—лацинъ, благородный соколъ—сапсанъ (*Falco peregrinus*) ловится въ горахъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Семирѣченской областей и часто привозится въ Туркестанъ для продажи изъ Башкиріи. Это—лучшій соколъ для охоты, хотя прирученіе его и обученіе требуетъ много времени и труда и при всемъ томъ

онъ часто улетаетъ и пропадаетъ; этотъ видъ, какъ и всѣ соколиныя, бьетъ птицу сверху; неученый продается за 10—15 руб., хорошо обученый за 80—100 руб. Въ Семирѣчьи, кромѣ того, ловится *Falco leucogenus*. На охотѣ этими видами соколовъ въ Сырь-Дарьинской области пользуются рѣдко.

Изъ лачиновъ здѣсь употребляется багрыль (чеглокъ—*F. Iso subbuteo*) изъ такъ называемыхъ неблагогородныхъ соколовъ, сходный со своими родичами, но легко обучаемый; характерный признакъ его—черная полоска изъ перьевъ отъ глазъ черезъ голову до шеи; онъ беретъ добычу гораздо крупнѣе себя, бьетъ клювомъ, а не когтями, утку, фазана.

Чункаръ, соколъ-балопанъ (*Hennia sacer*), водится на Уралѣ и въ Туркестанѣ. Названіе чункаръ относится къ птицѣ старшаго возраста, когда она въ опереніи темно-сѣромъ или почти черномъ, въ возрастѣ 2—3 лѣтъ; молодыя птицы, до 2-хъ лѣтняго возраста, съ опереніемъ красноватымъ носятъ названіе ительги; въ Туркестанѣ водятся еще одинъ видъ сокола—*Hennia Kendersoni*; оба вида для охоты хотя пригодны, но далеко не столь смѣлы и добычливы, какъ лачинъ и багрыль.

Самая распространенная ловчая птица у туземныхъ охотниковъ за утками—корча (ястребъ-тетеревятникъ, *Astur palumbarius*); этотъ хищникъ легко справляется съ фазанами, степными курочками, рябками; бьетъ птицу снизу; съ крупною дичью, напримѣръ, съ лебедемъ, справиться не можетъ, напротивъ, корча побѣждается имъ; лебедь бьетъ его на лету крыльями и носомъ и успѣшно отбивается.

Также весьма обыкновенная ловчая птица у туземныхъ сартовъ—кыргей (*Accipiter nisus*, ястребъ, перепелятникъ); малъ величиной, опереніе черновато-сѣрое

сверху; нижняя часть тѣла бѣлая съ рыжеватыми полосками; это одна изъ самыхъ хитрыхъ и кровожадныхъ хищныхъ птицъ, чрезвычайно дерзкая, смѣлая.

Но самыя лучшія ловчія птицы, сильныя, дорогія и рѣдкія—это два вида кречетовъ *Nierofalco altaicus*—тую-гуна, и *N. ugalensis*—акъ-чункаръ. Первый водится въ горахъ Семирѣчья, но рѣдко встрѣчается въ продажѣ на мѣстѣ, ибо болѣею частью обученные охотѣ хищники этого вида сбываются въ Китай, Хиву и Бухару за высокую цѣну; такъ, напримѣръ, за необученнаго еще туюгуна платятъ 80—100 руб., хорошо обученный стоитъ до 200 руб. Передняя часть тѣла этого хищника бѣлая съ темнымъ рисункомъ изъ пятенъ сѣраго и чернаго цвѣта.

Другой видъ кречета, употребляемый на охотѣ, по киргизски акъ-чункаръ, чисто бѣлаго цвѣта, крупнѣе перваго (туюгуна), ловится въ Балкирин и привозится въ киргизскую степь и Туркестанъ. Кречеты бьютъ птицу сверху. Они употребляются для охоты за птицей всякаго рода (лебеди, гуся, фазаны, лебеди также журавлей и цапель).

Туземное населеніе Сырь-Дарьинской области пользуется для охоты на мелкую дичь еще двумя видами небольшихъ ловчихъ птицъ; одна изъ нихъ называется чаули, другая—букать-ана; киргизы относятъ ихъ къ роду ястребовъ (корейга), съ которыми опереніе ихъ и споровка на охотѣ одинаковы.

Встрѣчается, хотя рѣдко, у киргизъ и сартовъ приученный къ охотѣ беркутъ (*Aquila chrysaetus*). Съ нимъ охотятся не только на крупную птицу, но и на звѣрей; онъ легко беретъ зайца, одолеваетъ лисицу (корсака), управляетъ съ молодымъ сайгакомъ, безстрашно нападаетъ на волка и задерживаетъ его, вѣщаясь

въ него когтями сзади, а при попыткѣ послѣдняго огрызнуться, бьетъ его клювомъ въ глаза. Однако, разскажемъ киргизъ о томъ, что беркутъ можетъ, будто бы, вполне справиться съ волкомъ, и не доврѣваю.

Относительно охоты съ ловчими птицами нигдѣ въ законѣ 1892 года не упомянуто, что такой способъ охоты воспрещается. Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ташкентскимъ обществомъ охоты возбуждалось предъ г. Главнымъ Начальникомъ края ходатайство о запрещеніи туземцамъ подобной охоты по причинѣ массы подранковъ (пораженной птицы), которые, будто бы, всегда являются въ результатъ охоты съ ловчими птицами, причемъ послѣднія приравнивались даже къ запрещеннымъ орудіямъ лова, подлежащимъ отобранію.

Охота съ ловчими птицами производится въ краѣ съ незапамятныхъ временъ, составляя любимое развлеченіе туземцевъ, да и продукты улова служатъ не малымъ подспорьемъ въ хозяйственномъ ихъ обиходѣ. Лишить киргизъ этого удовольствія и нѣкотораго заработка отъ охоты на пернатую дичь и звѣрей врядъ-ли цѣлесообразно и справедливо, тѣмъ болѣе, что по разсчету ежедневная добыча дичи во время охоты помощью ловчихъ птицъ, по моему мнѣнію, значительно ниже въ количественномъ отношеніи суточной добычи ружейнаго охотника*).

Чтобы закончить разсказъ, я опишу другіе виды охоты у туземнаго населенія.

Въ киргизскихъ степяхъ водятся очень много корсаковъ. Это одинъ изъ самыхъ маленькихъ видовъ лисицы. Киргизы постоянно преслѣдуютъ корсака изъ промышленныхъ цѣлей. Мѣхъ его очень теплый, мягкій и густой, лѣтомъ красновато-желтаго цвѣта, а зимой темно-желтаго,

*) Туземцы Туркестанскаго края не имѣютъ права пріобрѣтать огнестрѣльнаго оружія.

или бѣлорыжеватаго. Корсакъ любитъ уединенныя сухія мѣста на песчаномъ грунтѣ, вблизи рѣкъ. Онъ скрывается днемъ въ норы съ нѣсколькими выходами, которыми роетъ самъ безъ особеннаго труда, а ночью выбирается изъ своей засады, ловить мышей, птичекъ, разоряетъ ихъ гнѣзда, а также не даетъ пощады ящерицамъ и лягушкамъ. Охотятся на него киргизы всѣми возможными способами: различные капканы, западни, сѣти и силки—все идетъ въ дѣло; но самая употребительная охота производится выкуриваніемъ корсака изъ норы. Найдя въ степи нору корсака, охотники закладываютъ ея выходы соломой или камышемъ, оставляя одно или два отверстія открытыми. Солому зажигаютъ, дымъ наполняетъ нору и заставляетъ корсака искать спасенія и выбраться въ то отверстіе, которое не заложено. Какъ только корсакъ выбѣжитъ изъ норы, его убиваютъ палками или ловятъ ястребами. Часто въ норахъ закладываютъ всѣ выходы и такимъ образомъ душатъ корсака дымомъ, а потомъ разрываютъ нору и достаютъ его. Разрытіе норъ производится очень легко, такъ какъ онѣ всегда почти находятся на песчаномъ или глинистомъ грунтѣ.

Шкурки корсаковъ киргизы употребляютъ на шубы и шапки для себя, но въ большемъ гораздо количествѣ сбываютъ на ярмаркахъ въ городахъ и кишлакахъ. Киргизы Семирѣчья ежегодно продаютъ 40—50.000 шкуръ корсака, не считая оставляемыхъ для собственнаго употребленія.

Киргизы охотятся также на сайгаковъ, видъ дикой козы, и на волковъ. Первая охота не представляетъ ничего особенно интереснаго: сайгаковъ выслѣживаютъ конные и начинаютъ гонять, стараясь направить ихъ на камыши, которые всегда есть тамъ, гдѣ водятся сайгаки. Перепуганные сайгаки, увидѣвъ предъ собой

сплошную стѣну непроходимыхъ камышей, останавливаются въ недоумѣніи, но видя приближеніе погони, кидаются въ камыши и, не имѣя возможности пробраться чрезъ ихъ чащу, снова останавливаются, совершенно растерявшись отъ страха. Охотники подѣзжаютъ къ нимъ, слѣзая съ лошадей и, выбирая болѣе жирныхъ и крупныхъ сайгаковъ, тутъ же ловятъ ихъ руками и рѣжутъ. Истинному охотнику не выносимо смотрѣть на эту бойню, на этихъ кроткихъ, измученныхъ животныхъ, забившихся въ чащу камыша и съ покорностью ожидающихъ своей участи.

Охота на волковъ у киргизъ имѣетъ сходство съ предыдущей охотой. Вотъ конные охотники гонятъ звѣря по степи. Волкъ несетъ что есть духу отъ своихъ преслѣдователей. Ближайшій киргизъ сдерживаетъ коня, берегаетъ силы и

зорко слѣдитъ за звѣремъ; въ правой рукѣ его увѣсистая дубинка; онъ ею помахиваетъ, приспособляется. Волкъ бѣжитъ тише и тише, онъ напрягаетъ послѣднія силы; охотникъ не торопится и держится отъ него въ почтительномъ отдаленіи. Измученный звѣрь задыхается отъ усталости, длинный языкъ вывалился изо рта и виситъ, какъ одревенѣлый; онъ поджалъ хвостъ, повернулъ голову въ сторону своего преслѣдователя, безпрестанно выглядываетъ на него изъ подлѣбья; рванется нѣсколько разъ впередъ, потомъ еще больше начнетъ приулавливать. Киргизъ наблюдаетъ, выбираетъ удобную минуту... Еще мгновеніе, онъ быстро поворачиваетъ коня и, заскочивъ съ противоположной стороны волка, перевѣсившись съ сѣдла, наноситъ ему дубиной ударъ за ударомъ. Звѣрь дрогнетъ сначала, покачнется, бросится въ сторону. Новый ударъ—и онъ летитъ почти безъ чувствъ на землю. Охотникъ соскакиваетъ съ коня и добиваетъ его окончательно.

И. Ореховъ.